

¹Ахметбекова А.К., ²Коптилеуова Д.Т.

¹к.филол.н., профессор, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, e-mail: aaxbota@mail.ru

²к.филол.н., доцент, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, e-mail: dina0028@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПЛИЦИТНОГО НАРРАТОРА В РАССКАЗАХ ЙУСУФА ИДРИСА

В статье рассматриваются особенности эксплицитного нарратора в рассказах египетского писателя Йусуфа Идриса, как «Носильщик», «Язык боли», «Момент луны». Эти рассказы интерпретируются в символическом ракурсе благодаря эксплицитным нарраторам. Нарраторы этих рассказов из полисубъектов превращаются в моносубъекты и служат ориентирами в интерпретации контекста.

Ключевые слова: нарратор, Йусуф Идрис, интерпретация, контекст, египетский рассказ.

¹Ахметбекова А.К., ²Көптілеуова Д.Т.

¹филол. ғ. к., профессор, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ., e-mail: aaxbota@mail.ru

²филол.ғ.к., доцент, әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті,
Қазақстан Республикасы, Алматы қ., e-mail: dina0028@mail.ru

Йусуф Идрис әңгімелерінде эксплицитті нарратордың ерекшеліктері

Мақалада Египет жазушысы Йусуф Идрисінің «Жүк тасушы», «Азап тілі», «Ай кезі» сияқты әңгімелеріндегі эксплицитті нарратордың ерекшеліктері қарастырылады. Бұл әңгімелердің символдық астары бар екенін тек осы эксплицитті нарратор арқылы тануға болады. Аталған әңгімелердің нарраторлары полисубъектіден моносубъектіге ауысуға мүдделі және мәтін астарын интерпретациялауда бағыт беруші қызметін атқарады.

Түйін сөздер: нарратор, Йусуф Идрис, интерпретация, мәнмәтін, египеттік әңгіме.

Akhmetbekova A., Koptileuova D.

Ph.D., associate professor, Department of Middle East and South Asia
Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: aaxbota@mail.ru

Ph.D., associate professor, Department of Middle East and South Asia
Al-Farabi Kazakh National University, e-mail: dina0028@mail.ru

Features of explicit narrator in the stories of the Egyptian writer Yusuf Idris

The article discusses the features of explicit narrator in the stories of the Egyptian writer Yusuf Idris, as "Porter", "Language of pain", "The Time of the Moon." These stories are interpreted in a symbolic perspective with the explicit narrator. Narrator these stories of polysubject into monosubject and provide guidance in the interpretation of the context.

Key words: narrator, Yusuf Idris, interpretation, context, Egyptian story.

Введение

В творчестве египетского писателя Йусуфа Идриса выделяется своеобразие его эксплицитного нарратора, который, являясь перевоплощением автора, представляется и как символ всего Египта, и как посредник между Египтом прошлого и настоящего, и как участник диалога выступающего «говорящим, который является

в большей или меньшей степени отвечающим» (Бахтин, 1996: 170).

На первый взгляд, рассказы Йусуфа Идриса повествуют о повседневной жизни рядового египтянина XX века. Но художник за простой жителем Египта, который является ядром сложного мира, мира, который создал одну из древнейших цивилизаций земли, видит сфинк-

совую загадку. Для него каждый египтянин представляет собой клубок, сплетенной из нитей разных эпох, который является одним целым и цельным. Только благодаря нарратору читатель может распутать этот клубок, жить вместе с персонажами и чувствовать всё его бытие. Нарратор как спутник читателя и как персонаж принадлежит обеим сторонам. Он как мост, через которого можно попасть в художественный мир писателя: «Именно нарратор является центральным элементом структуры любого повествования: именно он выступает посредником между событием и реципиентом, от него зависит угол восприятия, точка зрения, стиль изложения, иногда – эмоциональная оценка описываемых событий, что не может не отразиться на восприятии переработанных таким образом событий, в свою очередь, читателем (слушателем). Таким образом, именно нарратор является маркером нарративного типа произведения» (Пампура). Поэтому, чтобы понять внутренний мир современного египтянина, действия и думы персонажей Йусуф Идриса, мы должны следовать за его эксплицитным нарратором.

Основная часть

Эксплицитный нарратор – выявленный в тексте, характеризующий текст своим видением и повествующий в форме первого лица, реже второго лица. Особенность эксплицитного нарратора Йусуфа Идриса – его неожиданное вторжение в «чужой» мир, в другое чуждое ему «время и пространство». Нарратор Йусуф Идриса буквально сталкивается с персонажами, и столкновение нарратора и персонажей лоб в лоб всегда оставляет открытым вопрос: кто вторгся в чужой мир? Кто чужак и кому принадлежит мир? С таким нарратором мы встречаемся в рассказе «Носильщик», напечатанном в сборнике «Современный египетский рассказ».

Рассказ «Носильщик» начинается с убеждения нарратора о том, что то, что он видел, является реальностью, хотя событие с самого начала описывается как «Мне все это показалось каким-то чудом» (Современный египетский рассказ, 1988:65).

Однажды рассказчик увидел на площади человека, несущего трон. Трон был огромный, как дом, с массивными ножками, с сидением, покрытым тигровой шкурой. Он не сразу увидел носильщика, поэтому трон показался ему живым.

Носильщик, который нес огромный трон, был худой, изможденный, обливавшийся потом, его облик был необычным для площади Опе-

ры, для улицы аль-Гумхурийя, казалось, что он сошел со страниц книги по древней истории Египта.

Обратившегося к нему нарратора носильщик спросил, не видел ли он его господина Птаха Ра. Ему было приказано доставить трон, и он уже долгое время ищет своего господина. Он носит трон со времен нила, ни год, ни два, а десятилетия.

Рассказчик был удивлен силой и упорством носильщика, несмотря на его слабые физические данные, поэтому он посоветовал оставить этот трон, но носильщик не осмеливался ослушаться своего господина и пошел дальше. Вдруг нарратор увидел на сидении трона прикрепленную табличку из газельей кожи, на которой было написано «Носильщик трона, ты много потрудился на своем веку. И вот пришло время, чтобы этот трон послужил тебе. Отныне он твой, возьми его и отнеси в свой дом, поставь в самый почетный угол. Ты можешь сидеть на нем и отдыхать» (Современный египетский рассказ, 1988:67).

Рассказчик очень обрадовался и сообщил это носильщику. Он думал, что тот обрадуется. Однако носильщик не умел читать и не поверил его словам. Все попытки рассказчика убедить в правдивости своих слов были напрасны и носильщик, ворча, удалился с тронном. А нарратор остался с вопросами: «Злиться на него или жалеть его? Или обратить свой гнев на самого себя за то, что у меня нет приказа? (Современный египетский рассказ, 1988:68).

Символический подтекст этого рассказа раскрывается повествованием, эмоциями, отношением нарратора к персонажу. Если бы не нарратор, то носильщик не выделялся бы из толпы. Однако неприятие нарратора носильщика, непонимание и отрицание его, желание сделать из него такого же праздного египтянина, отдаляют их друг от друга. Потому что носильщик живет в своем мире: в его мире нет древних или нынешних египтян, есть просто египтянин, он живет далеко до создания пирамид, его время исчисляется тысячелетиями и он верен своему Господину. Нарратор также живет в своем современном мире, и казалось, они столкнулись в результате чуда и их параллельные миры соприкоснулись в их лице. Но это не так. Нет параллельного мира, есть один мир для них двоих. Носильщик представляет собой глубинный мир современного египтянина, который нес, несет и будет нести свою ношу жизни. А нарратор тот же худой и усталый египтянин, только потерявший смысл или забывший истинный приказ

своего Господина (Создателя). Носильщик выполнил приказ и заслужил отдых, однако из-за своей безграмотности он будет мыкаться еще не одно столетие. А нарратор умеет читать и писать, но он забыл или отрицает наличие приказа. Его наполняет только гнев и злоба.

Нарратор выступает в этом рассказе как символ нынешнего, современного Египта: у него есть Опера, республика (аль-Гумхурийя), знание. У носильщика есть только приказ и трон. Эти оба, разделенные на два одно целое, которые не могут найти точку соприкосновения и им не понять друг друга, потому что их миры различаются.

О нарраторе этого рассказа мы можем судить только по эмоциям, получается, что произведение состоит не из диалога, а из монолога, который сопровождается эмоциями.

Особенность этого эксплицитного нарратора в том, что он допускает различие, но уже готов убить египтянина и поглотить. Это поглощение основывается на отрицании другого мира.

Такое же разделение целого, где другой половиной нарратора выступает боль, мы встречаем в рассказе «Язык боли».

Фабулу рассказа «Язык боли» очень трудно передать, потому что рассказ основан на диалоге одного «Я» прошлого и настоящего.

Вкратце, аль-Хадида, выходец из деревни преуспевает в жизни и в данный момент живет в элитном районе Каира. Своим достижениям он обязан другу детства Фахми.

Фахми был очень умным, и всегда отвечал на все вопросы, которые остальные даже не понимали. Он с детства был кумиром и другом аль-Хадида.

Аль-Хадида ожидал, что Фахми достигнет больших высот в жизни, однако жизнь покалечила его болезнью, и родственники привезли его к нему в город в надежде, что он устроит его в больницу. Аль-Хадида оставил друга переночевать у себя.

В эту ночь аль-Хадида проснулся от криков Фахми. Включив свет, он увидел разорванные простыни, все было перевернуто вверх дном, а между кухонными столиками сидел Фахми совсем нагой. Голова его дергалась, глаза лихорадочно блестели, а на кухне стоял жуткий запах. У Фахми был рак мочевого пузыря, выносить эту боль выше человеческих сил.

От страшных звуков проснулись жена и сын аль-Хадида Фахми, которого он назвал в честь своего друга. Он вызвал скорую, Фахми дали наркотики, а жене снотворное. Но боль Фахми не могли утолить даже наркотики.

Аль-Хадида остался вместе с другом, слушая крики, которые проникали в сокровенные глубины его души и действовали на него живительно, достигая уголка, где скопилась его собственная невысказанная боль. Боль слилась с болью. Это был язык человеческого нутра, язык боли.

Вот уже много лет преуспевающий аль-Хадида жил с болью, которую не мог выразить. Он не раз хотел кричать от боли, но страх показать истинное лицо останавливал его.

В эту ночь он завидовал Фахми. В отличие от него, у Хадида боль душевная. Он не может высказать ее, она копилась у него с того момента, как он поступил в университет.

У него есть жена, сын, но он одинок, его одиночество – расплата за то, что он всегда хотел преуспеть, за то, что всегда спешил, гонимый за привилегиями. Это убийственное одиночество, порожденное от страха перед людьми и в неверии в себя, ранит душу сильнее.

Страдания Фахми приносят ему невыразимое умиротворение, словно Фахми страдает за них обоих.

Фахми снова стала терзать боль, он закричал из последних сил. Соседи вызвали полицию. Дверь им открыла жена, которая увидела в дверях кухни своего мужа, стоящего на коленях и целующего руку Фахми, прося у него прощение. Аль-Хадида закинул кричавшего Фахми на плечи и пошел прочь с этого квартала, смрад которого сделался для него невыносимым.

В этом рассказе нарратор-актер, в отличие от предыдущего нарратора, находит смелость принять свою другую половину, которая в преуспевающем квартале не может прижиться. Физическая боль и душевные муки, объединившись, создали гармоничного египтянина, который потерялся в этом «преуспевающем, безжизненном» мире.

Весь рассказ строится на воспоминаниях нарратора-актера и сюжет находит решение в воссоединении души и тела через боль. Успех, страсть наживы и успеха разделили человека на тело и душу, а боль объединила их. И нарратор выступает душа персонажа.

В рассказе присутствуют другие персонажи (супруга, сын, родственники Фахми), но нарратор отодвигает их на задний план, нужна только их реакция, их отношение полного презрения и ужаса. Они ему не подвластны, но главное теперь он со своей болью неподвластен им.

И в этом рассказе мы видим противостояние нарратора остальным персонажам.

Аль-Хадида символизирует процветающий Египет, в подражании иномиру он теряет свое самобытное существование, душу, боль.

Среди всех рассказов «Момент луны» выделяется своей структурой повествования. Передать фабулу рассказа невозможно, так как каждый нарратив имеет свое особое событие, которое иногда остается за кадром. Поэтому анализ этого текста будет более доскональным.

Рассказ имеет повторы в виде рефрена: «Вдруг я увидел луну...».

Повтор в литературоведении как фигура имеет дополнительный смысл. Это сообщение того, что за ним последует нарратив с определенной информацией:

«Вдруг я увидел луну...»

Луна появилась и светит только частью, как будто ее кто-то сдавил. Цвет полной луны постепенно теряет блеск серебра, затем белизна приобретает некоторую желтизну, некоторую тусклость, ее свет становится подобным свету городских фонарей.

Это именно так, как мне казалось... В промежутке неба между двумя зданиями виднелась сдавленная луна. Свет и шум, исходящий из верхней квартиры, свет, идущий от третьей мебелированной квартиры, которую арендовали туристы, все эти огни были очень высоко. Свет сдавленной луны перемешался с огнями, на которые тратят так много электричества, чтоб они светили как луна, но эти огни едва достигают света сдавленной луны.

Вдруг я увидел луну...»

Мы слышим монолог жителя Каира, который, вдруг подняв голову, смог увидеть луну, она сдавлена, урезана, но светит. Далее:

«Это было удивительно и очень странно, что в этих трудных обстоятельствах Каира я вижу луну, трудно выйти из войны и полностью подготовиться к ней, и для этого на небе должна быть луна.

Мы совсем забыли о луне, о большой вселенной вокруг нас, мы потерялись в ежедневных мелких конфликтах, в которые сами втянулись, нам необходимо спасти самих себя».

Если вчитаться в текст, можно увидеть почувствовать, как будто разговор с тобой, но и самим собой. Эта манера высказывать свое мнение в пустоту принадлежит суфийским шейхам, которые вроде отвечают на твой вопрос, беседуют с тобой, и в то же время это мысли вслух.

«Это ты же луна.

– Эй, гуляка, ты где вообще была? Почему потерялась? Или точнее, почему мы тебя потеряли?

Наконец-то ты появилась, и мы тебя увидели.

Правда, это не было неожиданностью. Это событие было само по себе. Я не знаю точно, что случилось со мной, когда я увидел сдавленную луну, но я уверен, мне стало легче и комфортней.

Это не конец жизни, мы прошли очень длинный путь, мы устали, у нас много ран и невзгод. Но...

Это же луна».

В этом нарративе повествователь был в хороших отношениях с луной, даже в приятельских, раз он может так обращаться к ней. То, что он называет гулякой и тут же обращает этот предикат на свою сторону, показывает, что причина не в луне, а в человеке, который сам потерялся. Он пытается разяснить, что был занят. Но то, чем он занимался, оказалось незначительным и несвойственным ему. Поэтому он опустошен.

«Ее лицо напоминает вам, что вы человек, неважно кем именно ты являешься, главное, что ты человек и очень важный в этой пустой темной Вселенной.

Эта система подтверждает, что вы являетесь хозяином этой Вселенной, только вы из всех ее составляющих способны двигаться внезапно и выбирать любое направление.

Ты господин, ты великий, и все, что ты делаешь, доказывает это, Вселенная подтверждает, что ты Господин.

Вдруг я увидел луну...»

Здесь нарратор активизирует читателя, обращаясь к нему напрямую. Но он не разделяет себя и читателя. И видимо, когда появляется местоимение «мы», Йусуф Идрис рассматривает это как повествователь и читатель.

Также замечается, что в нарративе скорее всего слышим его обращение к себе: Я – господин. Видимо, суфийская доктрина, что мир создан специально для человека, всегда будет присутствовать в сознании египтянина, даже если он был марксистом в прошлом. Как мы и сказали для автора «Я» и «Мы» едины, как едина египетская нация. Этот рассказ содержит в себе много аллюзии, которых поймет только египтянин.

«Я не знаю, почему в религиозных законах некоторых племен Южной Америки и Африки выбирают один или несколько дней, и всем племенем собираются в этот день, поднимаются в горы и очень много времени проводят, наблюдая за солнцем, как восходит и заходит солнце, наблюдают за тем, как растет и убывает луна, наблюдая так же за ее светом.

Ученые этих племен, утверждают, что цель такого наблюдения – создать контакт между че-

ловеком и Вселенной, чтобы поддерживать духовную связь. Это дает им веру и создает баланс на целый год.

Никто не знает, что означает для человека, этот контакт между человеком и Вселенной, что именно произойдет с человеком, если он будет далеко от космических явлений.

Никто точно не знает, что будет происходить с человеком, никто не сомневается, что человек, имеющий контакт с космическими явлениями, всегда сильнее, чем человек, не поддерживающий эту связь.

Человек, поддерживающий контакт с космическими явлениями, всегда ближе к человеческой реальности, к человеческой природе, характеру, ординарности и уникальности. Человек, не поддерживающий контакт с космосом, не различает день и ночь.

Вдруг я увидел луну...»

Если возьмем за основу утверждение М.М. Бахтина: «высказывание строится для другого. Мысль становится действительно мыслью в процессе ее сообщения другому, сознание становится практическим сознанием для другого. Обмениваемые мысли взаимно отражают друг друга. Это взаимное отражение пронизывает и предметно-смысловую, и композиционную, и в особенности – стилистическую сторону высказывания» (Бахтин, 1996: 279), мы увидим своеобразный стиль Йусуфа Идриса в использовании нарратора. Этот стиль близок к «поток сознания», но писатель именно через нарратора смог создать мир, который возможно является символом египетским обществом, а также символом человека, который ищет гармонию своей души и тела.

«Птички начали трепетать в моей груди, щебетать и чирикать в моем сердце.

Казалось, что всю мою жизнь очень быстро показывает кассета на магнитофоне перед лунной, перед моментом луны.

Я не знаю, но все, в том и числе и я начали принимать свою форму.

Я чувствую, что я сильнее, чем мои проблемы, это обычный образ, в котором является человек, любые, самые трудные проблемы, даже те, которые нацелены на победу, в конце концов, человек их победит, у человека всегда есть выбор.

Вдруг я увидел луну...

В небесном промежутке между двумя зданиями... меблированная квартира... большая темная пустая вселенная.

Птички щебечут в моем сердце, создавая приятные ощущения.

Момент...

И вдруг луна потерялась...

Бессмысленно стало смотреть на небо, там не было неба.

Для того чтобы идти, надо смотреть под ноги. В эти дни на улице так много ям, чтобы не упасть, надо смотреть под ноги.

Вдруг я увидел луну... Только один момент я жил с ней. Вдруг она потерялась между двумя зданиями, зрение потерялось в песке, всегда нужно было смотреть, чтобы не упасть.

Я рад всем сердцем, мне достаточно, что я своими глазами увидел луну, которую я не вижу».

Казалось, повествование идет от одного субъекта. Но в рассказе мы не раз замечали, как «Я» плавно переходила на «Мы», а также на «Ты». Такой переход доказывает, что полисубъектность повествовательной структуры является одним из основных принципов повествования в рассказах. Полифония, или как назвал В. Тюпа, «система голосов» (Тюпа, 2001:158), создается благодаря использованию различных типов речи.

Заключение

По утверждению Ван ден Хевель «Рассказ представляет собой самую наглядную поверхность нарративного дискурса. Здесь коммуникация основывается на дискурсах, высказанных нарратором и персонажами-актерами, слова, которых цитируются нарратором. Комбинация этих двух дискурсов образует рассказ, повествовательное содержание которого составляет история, или диегезис, т. е. описываемый мир и мир цитируемый. Образованный таким образом рассказ сам является частью романного мира, рассказываемого локутором, т. е. нарратором, видимым или невидимым, эксплицитным или имплицитным, который, в свою очередь, адресуется к своему собеседнику, нарратору, также способному быть эксплицитным или имплицитным» (Ильин, 2001:92).

Эксплицитные нарраторы рассказов Йусуфа Идриса отличаются тем, что каждый нарратор представляется как часть целого человека, или как прошлое и настоящее египетского общества, в свете конфликта идет воссоединение нарратора и персонажа. И все же есть тяготение к суфийской доктрине, что «Я» должен стремиться стать «Мы». Эксплицитный нарратор Йусуфа Идриса это – театр одного актера (в нарративе одного актера). Йусуф Идрис в своих символических рассказах очень умело использует эксплицитного нарратора.

Литература

- 1 Бахтин М.М. Собр. соч. в 7 тт. – М., 1996. – Т. 5.
- 2 Пампура Е.И. Типология нарратора в малой и средней прозе Достоевского <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-narratora-v-maloy-i-sredney-proze-f-m-dostoevskogo>
- 3 Современный египетский рассказ. – М.: Наука, 1988.
- 4 Тюпа В.И. Нарратология как аналитика повествовательного дискурса / В.И. Тюпа. – Тверь, 2001.
- 5 Ильин И. Постмодернизм. Словарь терминов / И. Ильин. – М.: Интрада, 2001. – 374 с.

References

- 1 Bahtin M.M. Sobr. soch. v 7 tt. – M., 1996. – T. 5.
- 2 Pampura E.I. Tipologija narratora v maloj i srednej proze Dostoevksogo <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologiya-narratora-v-maloy-i-sredney-proze-f-m-dostoevskogo>
- 3 Sovremennyj egipetskij rasskaz. – M.: Nauka, 1988.
- 4 Tjupa V.I. Narratologija kak analitika povestvovatel'nogo diskursa / V.I. Tjupa. – Tver', 2001.
- 5 Il'in I. Postmodernizm. Slovar' terminov / I. Il'in. – M.: Intrada, 2001. – 374 s.